

1949-1997-23 сент-1.5

Автор этой статьи — не писатель и не литературовед. К племени «лириков» он вообще не имеет отношения. По устоявшейся терминологии, Николай Кастрикин — скорее «физик». Он ученый, кандидат наук. Что, впрочем, не мешает ему любить и знать поэзию, в частности, творчество Маяковского. В течение многих лет он скрупулезно изучал документы, связанные с последними годами и днями жизни выдающегося поэта. Так родилась эта неожиданная, спорная, но способная, думается, заинтересовать многих читателей версия гибели «агитатора, горлана, главаря»...

...Беда была в том, что «Баню» Маяковский начал писать в отсутствие Бриков (они были за границей), и около него вместо бдительного и премудрого «режиссера» Осипа и властно вертящей ими обоими Лили случилась лишь молодая, красивая, но простодушная (как о ней отзывались) замужняя актриса Вероника Полонская. Писал натушно, как в гору воз тащил. Даже просил Полонскую давать ему «задания» (написать определенное число страниц) и проверять их выполнение...

В центре сатирической пьесы оказался собирательный образ партийного вождя-бюрократа с боевым прошлым, главначупса (главного начальника по управлению согласованием) Победоносикова, в котором было кое-что от Троцкого, кое-что от Луначарского, но более всего — от Сталина. Давайте вспомним текст пьесы.

«Жена пошла по комсомольцам...». Факт биографии Надежды Аллилуевой: комсомольцы из ее организации ездили на Украину и рассказывали ей о бедственном положении там; у нее был после этого крупный разговор с мужем, по указанию которого арестовали многих ездивших на Украину комсомольцев на предмет выявления виновных в разглашении неприятной информации.

«Как сапожок чисто блестит, прямо — хоть лизни». «Самоуважение у вас, товарищ Победоносиков, титаническое!». «Ни социализма не смогли устроить, ни женщину». «...Пускай... поплавают без вождя и без ветрил!» (Интересно, что известный актер Игорь Ильинский, во многом обеспечивший успех первой пьесы Маяковского «Клоп» в постановке Мейерхольда в 1928 году, но предусмотрительно отказавшийся от роли Победоносикова на мейерхольдовской премьере «Бани», играл его — разумеется, после смерти Хозяина — в сталинском френче, с левой рукой между двумя пуговицами на груди.)

Цитирование можно продолжить, можно вспомнить заплатившего позднее своей жизнью за эпиграмму на вождя Мандельштама (в ней, кстати, упоминались «сияющие голенища»), но для мнительного и злопамятного Сталина этого было более чем достаточно... Советская власть носила Маяковского, можно сказать, на руках: большие гонорары, едва ли не единственный на весь Союз «рено» с личным шофером, кабинет в Лубянском (ныне имени Серова) проезде с домработницей, лучшие дома отдыха, частые и длительные поездки за границу... А он не только не написал о нем, живом вожде, ничего стоящего (как о Ленине), но и... Ну ладно. (Мы-то знаем, Хозяин не прощал и меньших грехов.)

Что двигало Маяковского, когда он поднимал сатирическое перо на тогда уже (для наиболее проницательных) весельного диктатора? Политическая и человеческая инфантильность высокопоставленного «подкаблучника» Лили Брик? Захотел, чтобы его как сатирика побиивали и обижали партвожди?.. Во всяком случае, он явно не понял, чего можно ожидать от Сталина, если он узнает себя в Победоносикове. Есть такое не очень благозвучное выражение — «зарвался». Напущенная развязная самоуверенность (чтобы не сказать — наглость) сыграла на этот раз с пролетарским поэтом жестокую шутку. Избалованный известностью, напол-

овину скандальной, он переоценил свою неуязвимость на фоне верной службы новой власти, не разглядел ее, этой власти, подлинного лица.

Закончив «Баню», Маяковский 23 сентября 1929 года с большим успехом читает ее на заседании Художественно-политического совета гос. театра имени Вс. Мейерхольда и уже в начале октября получает (он, до этого девять раз бывавший за рубежом) отказ на выезд в Париж. И хотя во время ленинских дней (пятая годовщина со дня смерти) Сталин демонстративно долго аплодирует ему из правительственной ложи Большого театра после чтения поэмы «Владимир Ильич Ленин», 30 и 31 января в Ленинграде «Баня» идет при ледяном молчании зала, а после полного провала премьеры 16 марта в театре Мейерхольда автор одиноко стоит в тамбуре вестибюля, внимательно оглядывая каждого выходящего зрителя, видимо, пытаясь опознать среди них столь многих знакомых ему сотрудников ГПУ, т.е. подозревая, очевидно, организованный провал пьесы. Кстати, за несколько дней до премьеры (9 марта) известный литературный критик Ермилов выступил на страницах «Правды» с нападениями на «Баню», особенно упирая на нестерпимо фальшивый, невероятно схематичный и неправдоподобный образ Победоносикова.

Маяковский сказал Зощенко, что, по-видимому, не понимает «железных законов» сцены (в «Клопе», имевшем успех в предыдущем году, видимо, понимал). Судя по тому, что следующая постановка «Бани» состоялась в Московском театре сатиры лишь в 1953 году, он не понимал «железных законов» пролетарской политики. Возможно, первые проблески осмысления всей серьезности положения появились у него после постыдного провала амбициозной юбилейной февральской выставки, на которую он пригласил даже членов Политбюро, но которую пришлось готовить почти одному и на которую почти никто из приглашенных (не говоря уже о членах Политбюро) не явился... А может быть, во время последнего публичного выступления, встречи со студентами Плехановского института народного хозяйства 9 апреля, где аудитория оказалась открыто враждебной, а встреча превратилась фактически в глумление над ним, сникшим (по выражению одного автора), как проткнутый воздушный шар. Не гнушавшийся ранее, по прочтении записки, заявлять: «А на это вам ответит ГПУ», — «горлан и главарь» дает петуха, садится на ступеньку трибуны и сидит с закрытыми глазами, приклонившись к стенке. Потеряв поддержку власти, молодец против овец оказался овцой против молодцов... А в перерыве ему еще

показали его портрет, вырванный из всего уже готового тиража журнала «Печать и революция». На следующий свой вечер 11 апреля во Втором МГУ он впервые не явился...

Личный друг Сталина и один из высших чинов ГПУ, начальник секретного политотдела (почему-то оказавшийся со своей опергруппой в Ленинграде в дни, когда там погиб Есенин), Яков Агранов, «Аграныч», как фамильярно называл его Маяковский, стал появляться у Бриков (сотрудников ГПУ) осо-

дать на репетицию (т.е. посматривала на часы)... Убийца, войдя через парадное, должен был в 10.15 ожидать ее выхода и проникнуть в кабинет через еще не закрытую ею дверь. Он знает, у поэта есть пистолет. Его задача: как можно быстрее произвести правдоподобный для самоубийцы выстрел в сердце... При виде молча и стремительно входящего незнакомого высокорослого человека, Маяковский быстро поворачивается к ящику письменного стола, чтобы достать пистолет, принимая при

и сотрудника ГПУ. Вместе с убийцей, якобы пришедшим с ними, они располагают тело Маяковского и пистолет правдоподобным образом на полу. Агранов кладет на стол заранее заготовленное по его заданию, возможно, Осипом Бриком, хорошо знавшим стиль и почерк поэта (он регулярно расставлял в рукописях его запятыя) «предсмертное» письмо (в котором среди членов семьи упоминается — кто бы вы думали?.. — Полонская). Правда, датированное 12 апреля, оно грубо проти-

похорон был Артемий Халатов, человек, в свое время распорядившийся вырвать портрет поэта из готового тиража журнала... За рулем грузовика, везшего гроб с телом Маяковского по улицам Москвы в крематорий, сидел Михаил Кольцов. В некрологе первой стояла фамилия Агранова, назначенного в 1934 году заместителем Ягоды. Брики вернулись из очередной заграничной командировки 15 апреля, на другой день после смерти поэта, которую они восприняли без трагизма. После похорон пили чай, шутили, болтали о пустяках... А думали, возможно, о том, что восторженно принявшему и поставившему «Баню» Мейерхольду теперь тоже не сдобровать... Он и не сдобровало, как и Зинаида Райх, его жена. Вождь дальновидно предпочитал отложенную (иногда надолго) отводящую подозрения, но неминуемую месть...

В конце 1935 года Агранов, сохранивший свое место и при Ежове, лично передал Сталину письмо Лили Брик, в котором она жаловалась на непризнание и недооценку поэта, посвятившего свою жизнь революции. Вождь передал письмо Ежову, рекомендуя, почти в стиле Победоносикова: «Обратить внимание... Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи... Безразличие... — преступление... Если понадобится моя помощь, я готов. Привет! И Сталин». Что ж, гений хитрости, он всегда хорошо умел прятать концы в воду... В 1951 году он даже разрешил постановку «Бани» на радио (чтобы не бросалось в глаза, что ее не ставили при его жизни)... «Обнаружившие» труп Агранов и Кольцов были в свое время расстреляны. Бриков и Полонскую, как упомянутых в «предсмертном» письме и в поддержку официальной версии, не тронули. Дружные свидетельства обеих женщин о патологической тяге Маяковского к самоубийству лишь подтверждают, что они понимали и отрабатывали это...

И последнее. Победоносиков в довольно зловещей сцене дарит жене браунинг, объясняет, как им пользоваться, и прислушивается у двери, не раздастся ли за нею выстрел... Надежда Аллилуева застрелилась, как известно, из дамского вальтера. Кто осмелился подарить ей его? И если муж, то это лишнее подтверждение, что он таки узнал себя в Победоносикове... И он не убил ее, как часто думают, нет, он лишь спровоцировал ее на самоубийство...

Николай КАСТРИКИН.

Фото
Александра РОДЧЕНКО.

том позу, неудобную для выстрела ему в грудь. Убийца, чтобы помешать поэту выстрелить первым, бьет его, сидящего, ногой в лицо (удар, как видно на посмертном снимке, разбивает скулу и ломает нос). Раздается слышанный соседями-свидетелями дикий крик и сразу после этого выстрел (в грудь инстинктивно схватившегося руками за лицо поэта). Пуля прошла через сердце сверху вниз, что было торопливой оплошностью убийцы: так стрелять в себя физически нелегко.

Выстрел раздался в 10.15, а уже через минуту станция «Ско-

рой помощи» зафиксировала вызов обнаруживших труп Агранова и Михаила Кольцова (журналиста

воречит фразе в набросанном в тот же день плане разговора с актрисой: «Я не кончу жизнь, не доставлю такого удовольствия худ. театру». Составители письма не могли предвидеть, что он напишет 16-пунктный план разговора... Услышав выстрел, уходящая по лестнице черного хода Полонская возвращается и мечется по коридору, не решаясь открыть дверь...

Агранов, хронометрировавший операцию, стремился во что бы то ни стало первым обнаружить труп и убийцу, но трудно объяснить, как мог начальник секретного политотдела ГПУ оказаться вместе с Кольцовым в рабочее время у двери кабинета Маяковского через минуту после выстрела, если не настаивать на маловероятном случайном совпадении их прихода с выстрелом. Вызов «скорой» в 10.16 выдает его с головой. Он знал, когда раздастся выстрел, и вышел, запасшись свидетелем, по сверенным с Полонской часам заранее установив, сколько потребует времени, чтобы, войдя через парадное, оказаться у двери кабинета Маяковского в 10.16. Но он не придал значения тому, что время вызова фиксируется в журнале станции «Скорой помощи»...

Тело поэта тотчас перенесли на квартиру в Гендриковом переулке, кабинет опечатали, и даже Лили Брик далеко не сразу могла туда попасть... Лицо его реставрировал специалист своего дела скульптор Меркуров. Председателем комиссии по организации

Эту версию мы попросили прокомментировать известного критика, академика РАЕН Александра Михайлова, который много лет посвятил изучению жизни и творчества Маяковского. Он автор книги о поэте, вышедшей в серии «ЖЗЛ».

Широкому читателю могут быть неизвестны различные версии смерти Владимира Маяковского, кроме основной, как бы официально и научно признанной и закреплённой в школьных учебниках. Между тем существует и версия, опровергающая самоубийство. По этой версии Маяковский был убит чекистами под руководством Якова Агранова, занимавшего крупный пост в органах ГПУ, в 30-е годы бывшего заместителем кровавого нарком Ягоды и неотдаленно находившегося при Сталине.

Самое серьезное исследование в этом направлении провел журналист Валентин Скрятина, который в ходе многолетнего изучения архивов и воспоминаний отказался от первоначального прямого обвинения Агранова и К в убийстве поэта и предпочел обозначить свою работу как версию. Работа Скрятина не лишена домыслов, догадок, восполняющих неясные моменты и звенья в цепи событий в конце жизни поэта, но она содержит ряд находок, пополняющих интересными фактами маяковскоеведение. Он, например, установил прямую связь Л.Ю. Брик с органами ГПУ, отчего понятнее становится присутствие Агранова, а затем и его молодых сотрудников на собраниях литературной группы Леф, которую возглавлял Маяковский. Эти собрания проходили на квартире, где поэт жил вместе с Бриками.

Существует также версия Юлиана Семенова, по которой Агранов якобы предостерегал Маяковского от опрометчивых шагов, чуть ли не был его ангелом-хранителем. Однако она все-таки сильно рас-

ходит с фактами жизни и обликом Агранова, одного из самых кровавых чекистских палачей.

Версия Николая Кастрикина в основных положениях близка к версии Скрятина. То, что привлекает внимание у Кастрикина, — его взгляд на Победоносикова из «Бани», нахождение в нем сатирически выявленных черт Сталина. Это было замечено и другими, тем не менее требует дальнейшего изучения. Ну а догадка, будто Сталин, узнав себя в Победоносикове, чуть ли не по его «наводке» дарит своей жене Аллилуевой вальтер, из которого она застрелилась в 1932 году, — конечно же, плод необузданной фантазии.

Некорректен первый послы Кастрикина, намекающий на то, что если бы пьесе «Баня» Маяковский начал писать в присутствии Бриков, они не позволили бы ему сделать политический выпад против «вождя-бюрократа». Во-первых, Маяковский во всех своих замыслах был самостоятелен и, кстати, заметки к пьесе были в его записных книжках сделаны еще до отъезда Бриков за границу. Во-вторых, когда пьеса была готова, Брики могли ее неоднократно прочитать и, как полагает Кастрикин, «срезжесировать», заставить автора внести поправки. А замечание про Маяковского, что его «советская власть носила... можно сказать, на руках», — это, очень мягко говоря, преувеличение. Здесь Кастрикин накладывает позднее, посмертное возвышение Маяковского (после оценки Сталина) на прижизненное.

Наконец, я не могу не упомянуть и данные экспертизы, подтверждающие подлинность предсмертного письма и факт самоубийства, но мне грустно оттого, что вновь, не в первый уже раз, в зловещий контекст чекистского заговора автор «Версии» вводит имя несчастной Вероники Полонской, более всех пострадавшей после смерти поэта.

АЛ. МИХАЙЛОВ.